

ГРОВОЩИКЪ.

ГРОБОВЩИКЪ.

Не зримъ ли каждый день гробовъ,
Съдннъ дряхлющей вселенной?

ДЕРЖАВИНЪ.

Послѣдніе пожилки гробовщика Адриана Прохорова были взвалены на похоронныя дроги, и шощая пара въ чешвертый разъ попацилась съ Басманной на Никишскую, куда гробовщикъ переселялся всѣмъ своимъ домомъ. Заперевъ лавку, прибилъ онъ къ ворошамъ объявленіе о помъ, чпо

*

домъ продается и отдается внаймы, и пѣшкомъ отправился на новоселье. Приближаясь къ желтому домику, такъ давно соблазнявшему его воображеніе и наконецъ купленному имъ за порядочную сумму, старый гробовщикъ чувствовалъ съ удивленіемъ, что сердце его не радовалось. Переспувивъ за незнакомый порогъ и нашедъ въ новомъ своемъ жилищѣ сумашошу, онъ вздохнулъ о вешхой лачужкѣ, гдѣ въ печеніи осьмнадцати лѣтъ все было заведено самымъ строгимъ порядкомъ; спалъ бранишь обѣихъ своихъ дочерей и работницу за ихъ медленность, и самъ принялся имъ помогать. Вскорѣ порядокъ установился; кивотъ съ образами, шкафъ съ посудой, столъ, диванъ и кровать заняли имъ опредѣленные углы въ задней комнашѣ; въ кухнѣ и гостинной помѣстились издѣлія хо-

зяина : гробы всѣхъ цвѣшовъ и всякаго размѣра , также шакапы съ праурными шляпами , маншіями и факелами . Надъ воропами возвысилась вывѣска , изображающая дороднаго Амура съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ , съ подписью : « здѣсь продаются и обитаются гробы просые и крашеные , также опдаются на прокапъ и починаются спарые . » Дѣвушки ушли въ свою свѣплицу , Адріанъ обошелъ свое жилище , сѣлъ у окошка и приказалъ гоповишь самоваръ .

Просвѣщенный чипашель вѣдаетъ , что Шекспиръ и Вальшеръ Скопшъ оба предспавили своихъ гробокопашелей людьми веселыми и шупливыми , дабы сей прошивоположностію сильнѣе поразить наше воображеніе . Изъ уваженія къ истинѣ мы не можемъ слѣдовать ихъ примѣру , и принуждены признашья , что нравъ

нашего гробовщика совершенно соопышествовалъ мрачному его ремеслу. Адрианъ Прохоровъ обыкновенно былъ угрюмъ и задумчивъ. Онъ разрѣшалъ молчаніе развѣ только для того, чшобъ журишь своихъ дочерей, когда заспавалъ ихъ безъ дѣла глазьющихъ въ окно на прохожихъ, или чшобъ запрашивать за свои произведенія преувеличенную цѣну у пѣхъ, которые имѣли несчастіе (а иногда и удовольствіе) въ нихъ нуждашся. И такъ Адрианъ, сидя подь окномъ, и выпивая седьмую чашку чаю, по своему обыкновенію былъ погруженъ въ печальныя размышленія. Онъ думалъ о проливномъ дождѣ, который, за недѣлю тому назадъ, вспрѣшилъ у самой заспавы похороны опешавнаго Бригадира. Многія маниіи опъ того съузились, многія шляпы покоробились. Онъ предвидѣлъ неми-

нуемые расходы, ибо давній запасъ гробовыхъ нарядовъ приходилъ у него въ жалкое соспояніе. Онъ надѣялся вымѣспить убытокъ на шарой купчихъ Трюхиной, которая уже около года находилась при смерти. Но Трюхина умирала на Разгуляѣ, и Прохоровъ боялся, чпобъ ея наслѣдники, не смотря на свое обѣщаніе, не полѣнились послашь за нимъ въ шакую даль и не спорговались бы съ ближайшимъ подрядчикомъ.

Сіи размышленія были прерваны нечаянно шремя Фран-масонскими ударами въ дверь. «Кто тамъ?» спросилъ гробовщикъ. Дверь отворилась, и человекъ, въ которомъ съ перваго взгляду можно было узнать Нѣмца ремесленника, вошелъ въ комнату, и съ веселымъ видомъ приблизился къ гробовщику. «Извините, любез-

ный сосѣдъ,» сказалъ онъ шѣмъ Русскимъ нарѣчіемъ, которое мы безъ смѣха донынѣ слышать не можемъ, «извините, что я вамъ помѣшалъ.... я желалъ поскорѣ съ вами познакомиться. Я сапожникъ, имя мое Гоплибъ Шульцъ, и живу опъ васъ черезъ улицу, въ эпомъ домикъ, что прошивъ вашихъ окошекъ. Завтра праздную мою серебряную свадьбу, и я прошу васъ и вашихъ дочекъ опбѣдать у меня попріятельски.» Приглашеніе было благосклонно принято. Гробовщикъ просилъ сапожника садиться и выкушать чашку чаю, и благодаря открытому нраву Гоплиба Шульца, вскорѣ они разговорились дружелюбно. «Каково торгуешь ваша милость?» спросилъ Адріанъ. — «Э хе хе,» отвѣчалъ Шульцъ, «и такъ и сякъ. Пожаловаться не могу. Хоть конечно мой поваръ не то,

что вашъ: живой безъ сапогъ обойдется, а мертвый безъ гроба не живешь.» — « Сущая правда, » замѣнилъ Адрианъ; «однако жъ, если живому не на что купишь сапогъ, то, не прогибайся, ходишь онъ и босой; а нищій мершвецъ и даромъ беретъ себѣ гробъ.» Такимъ образомъ бесѣда продолжалась у нихъ еще нѣсколько времени; наконецъ сапожникъ вспалъ и проспился съ гробовщикомъ, возобновляя свое приглашеніе.

На другой день, ровно въ двѣнадцать часовъ, гробовщикъ и его дочери вышли изъ калишки новокупленного дома, и отправились къ сосѣду. Не спану описывать ни Русскаго кафшана Адриана Прохорова, ни Европейскаго наряда Акулины и Дарьи, ошсшупая въ семь случаевъ ошъ обычая, принятаго нынѣшними Романистами. Полагаю, однакожъ,

не излишнимъ замѣшить, что обѣ дѣвицы надѣли желшья шляпки и красные башмаки, что бывало у нихъ только въ торжественные случаи.

Тѣсная кварширка сапожника была наполнена гостями, большею часпю Нѣмцами ремесленниками, съ ихъ женами и подмашерьями. Изъ Русскихъ чиновниковъ былъ одинъ будочникъ, Чухонецъ Юрко, умѣвшій пріобрѣсти, не смотря на свое смиренное званіе, особенную благосклонность хозяина. Лѣтъ двадцать пять служилъ онъ въ семь званіи вѣрой и правдою, какъ почпаліонъ Погорѣльскаго. Пожаръ двѣнадцатаго года, уничтоживъ первопреспольную споллицу, испребилъ и его желшю будку. Но потчасъ, по изгнаніи врага, на ея мѣспѣ явилась новая, сѣренъкая съ бѣлыми колонками До-

рическаго ордена, и Юрко спалъ опять расхаживать около нея *съ стькирой и въ бронь сермяжной*. Онъ былъ знакомъ большей часпи Нѣмцевъ, живущихъ около Никипскихъ воровъ: инымъ изъ нихъ случалось даже ночевать у Юрки съ Воскресенья на Понедѣльникъ. Адрианъ пошчасъ познакомился съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, въ кошпоромъ рано или поздно можешъ случисься имѣшь нужду, и какъ гости пошли за споль, шо они сѣли вмѣспѣ. Господинъ и Госпожа Шульцъ и дочка ихъ, семнадцати-лѣшняя Лопихень, обѣдая съ госшями всѣ вмѣспѣ, угощали и помогали кухаркѣ служишь. Пиво лилось. Юрко тѣлъ зачепверыхъ; Адрианъ ему не успупаль; дочери его чинились; разговоръ на Нѣмецкомъ языкѣ часъ опъ часу дѣлался шумнѣе. Вдругъ хозяинъ попрере-

боваль вниманія, и опъкупоривая за-
смоленную бутылку, громко произ-
несъ порусски: «За здоровье моей
доброй Луизы!» Полушампанское за-
пѣнилось. Хозяинъ нѣжно поцаловаль
свѣжее лице сорокалѣпней своей по-
други, и госпи шумно выпили здо-
ровье доброй Луизы. «За здоровье лю-
безныхъ госпей моихъ!» провозгласилъ
хозяинъ, опъкупоривая впорую бу-
тылку — и госпи благодарили его,
осушая вновь свои рюмки. Тутъ на-
чали здоровья слѣдовать одно за дру-
гимъ: пили здоровье каждаго госпия
особливо, пили здоровье Москвы и
цѣлой дюжины Германскихъ город-
ковъ, пили здоровье всѣхъ цѣховъ
вообще и каждаго въ особенноти,
пили здоровье масперовъ и подмаспе-
рьевъ. Адрианъ пилъ съ усердіемъ, и
до шого развеселился, что самъ
предложилъ какой-то шупливый

поспѣ. Вдругъ одинъ изъ гостей, полсшой булочникъ, поднялъ рюмку и воскликнулъ: «За здоровье шѣхъ, на которыхъ мы работаемъ, *unserer Kundleute!*» Предложеніе, какъ и всѣ, было принято радостно и единодушно. Гости начали другъ другу кланяться, порпшой сапожнику, сапожникъ порпшому, булочникъ имъ обоимъ, всѣ булочнику, и такъ далѣе. Юрко, посреди сихъ взаимныхъ поклоновъ, закричалъ, обращаясь къ своему сосѣду: «Что же? пей, бапюшка, за здоровье своихъ мершвецевъ.» Всѣ захохотали, но гробовщикъ почелъ себя обиженнымъ и нахмурился. Никшо того не замѣшивъ, гости продолжали пить, и уже благовѣспили къ вечернѣ, когда вспали изъ за стола.

Гости разошлись поздно, и по большей часни навеселѣ. Толсшой

булочникъ и переплечникъ, коего лице казалось въ красенькомъ сафьянномъ переплещѣ, подруки опшвели Юрку въ его будку, наблюдая, въ семь случаѣ, Русскую пословицу: долгъ плашежемъ красень. Гробовщикъ пришелъ домой пьянъ и сердитъ. «Чтожь это, въ самомъ дѣлѣ, разсуждалъ онъ вслухъ, чѣмъ ремесло мое нечеснѣе прочихъ? развѣ гробовщикъ бранъ палачу? чему смѣюся басурмане? развѣ гробовщикъ гаеръ святочнѣй? Хотѣлось было мнѣ позвать ихъ на новоселье, задашь имъ пиръ горой; инѣ не бывашъ же тому! А созову я шѣхъ, на кошорыхъ рабошаю: мершвцевъ православныхъ.» — «Что пы, батюшка?» сказала работница, кошорая въ это время разувала его; «что пы это городишь? Перекрестись! Созывашъ мершвыхъ на новоселье! Экая

спрасть!» — «Ей Богу, созову,» продолжалъ Адрианъ, «и на завпрашній же день. Милоспи просимъ, мои благодѣтели, завпра вечеромъ у меня попиравашъ; угощу, чѣмъ Богъ послалъ.» Съ эшимъ словомъ гробовщикъ опправился на кровашъ и вскорѣ захрапѣлъ.

На дворѣ было еще шемно, какъ Адриана разбудили. Купчиха Трюхина скончалась въ эту самую ночь, и нарочный, опъ ея прикащика, прискакалъ къ Адриану верхомъ съ эшимъ извѣспіемъ. Гробовщикъ далъ ему за шо гривенникъ на водку, одѣлся на скоро, взялъ извощика и поѣхалъ на Разгуляй. У воропъ покойницы уже спояла полиція, и расхаживали купцы, какъ вороны, почуя мершвое шѣло. Покойница лежала на споль, желпая какъ воскъ, но еще не обезображенная плѣніемъ. Около нея шѣ-

снились родешвенники, сосѣды и домашніе. Всѣ окна были открышы; свѣчи горѣли; священники чипали молишвы. Адрианъ подошелъ къ племяннику Трюхиной, молодому купчику въ модномъ сершукѣ, объявляя ему, что гробъ, свѣчи, покровъ и другія похоронныя принадлежности пошчасъ будущъ ему доставлены во всей исправности. Наслѣдникъ благодарилъ его разсѣянно, сказавъ, что о цѣнѣ онъ не торгуется, а во всемъ полагается на его совѣсть. Гробовщикъ, по обыкновенію своему, побожился, что лишняго не возьметъ; значительнымъ взглядомъ обмѣнялся съ прикащикомъ, и поѣхалъ хлопотать. Цѣлый день разъѣзжалъ съ Разгуляя къ Никитскимъ ворошамъ и обратно; къ вечеру все сладилъ, и пошелъ домой пѣшкомъ, опустивъ своего извозчика. Ночь была

лунная. Гробовщикъ благополучно дошелъ до Никишскихъ воропъ. У Вознесенія окликалъ его знакомецъ нашъ Юрко, и узнавъ гробовщика, пожелалъ ему доброй ночи. Было поздно. Гробовщикъ подходилъ уже къ своему дому, какъ вдругъ показалось ему, что кто-то подошелъ къ его воропамъ, опшорилъ калишку, и въ нее скрылся. «Что бы это значило? подумалъ Адрианъ. Кому ояшь до меня нужда? Ужъ не воръ ли ко мнѣ забрался? Не ходящъ ли любовники къ моимъ дурамъ? Чего добраго!» И гробовщикъ думалъ уже кликнуть себя на помощь пріятели своего Юрку. Въ эту минушу кто-то еще приблизился къ калишкѣ и собирався войти, но увидя бѣгущаго хозяина, остановился, и снялъ шреугольную шляпу. Адриану лице его показалось знакомо, но въ воропяхъ не

**

успѣлъ онъ порядочно его разглядѣть. « Вы пожаловали ко мнѣ, » сказалъ запыхавшись Адрианъ; « войдите же, сдѣлайте милость. » — « Не церемонься, бапюшка, » отвѣчалъ шопъ глухо; « спупай себѣ впередъ; указывай гостямъ дорогу! » Адриану и некогда было церемониться. Калишка была опперша, онъ пошелъ на лѣспницу, и шопъ за нимъ. Адриану показалось, что по комнашамъ его ходятъ люди. « Чшо за дьявольщина! » подумалъ онъ, и спѣшилъ войти. . . . шупъ ноги его подкосились. Комнаша полна была мершвецами. Луна сквозь окна освѣщала ихъ желшья и синія лица, ввалившіеся ршы, мушныя, полузакрытыя глаза и высунувшіеся носы. . . . Адрианъ съ ужасомъ узналъ въ нихъ людей, погребенныхъ его спараніями, и въ гостѣ, съ нимъ вмѣстѣ вошедшемъ,

Бригадира, похороненнаго во время проливнаго дождя. Всѣ они, дамы и мужчины, окружили гробовщика съ поклонами и привѣспспвіями, кромѣ одного бѣдняка, недавно даромъ похороненнаго, кошорый, совѣспся и спыдясь своего рубища, не приближался, и споялъ смиренно въ углу. Прочіе всѣ одѣшпы были благопристойно: покойницы въ чепцахъ и ленпахъ, мершвецы чиновные въ мундирахъ, но съ бородами небришпыми, купцы въ праздничныхъ кафшанахъ. «Видишь ли, Прохоровъ,» сказалъ Бригадиръ опщ имени всей честной компаніи; «всѣ мы поднялись на швое приглашеніе; оспались дома шолько шѣ, кошорымъ уже не въ мочь, кошорые совсѣмъ развалились, да у кого оспались однѣ кости безъ кожи, но и шущъ одинъ не ушершѣлъ — шакъ хопѣлось ему побы-

вашь у шебя. . . .» Въ эту минушу, маленькой скелешъ продрался сквозь полпу, и приблизился къ Адриану. Черепъ его ласково улыбался гробовщику. Ключки свѣтлозеленаго и краснаго сукна и вѣшхой холстины кой-гдѣ висѣли на немъ, какъ на шестѣ, а кости ногъ бились въ большихъ ботфорсахъ, какъ песики въ сшупахъ. «Ты не узналъ меня, Прохоровъ,» сказалъ скелешъ. «Помнишь ли опсшавнаго сержанта гвардіи Пешра Пешровича Курилкина, того самаго, кошорому, въ 1799 году, ты продалъ первый свой гробъ — и еще сосновый за дубовый?» Съ симъ словомъ мершвецъ просперъ ему костяныя объянція — но Адрианъ, собравшись съ силами, закричалъ, и опшолкнулъ его. Пешръ Пешровичъ пошатнулся, упалъ и весь рассыпался. Между мершвецами поднялся

ропоть негодованія; всѣ всшупились за честь своего товарища, приспали къ Адриану съ бранью и угрозами, и бѣдный хозяинъ, оглушенный ихъ крикомъ, и почти задавленный, поперялъ присутствіе духа, самъ упалъ на колѣни опсшавнаго сержанта гвардіи и лишился чувствъ.

Солнце давно уже освѣщало поспелю, на кошорой лежалъ гробовщикъ. Наконецъ опкрылъ онъ глаза и увидѣлъ передъ собою работницу, раздувающую самоваръ. Съ ужасомъ вспомнилъ Адрианъ всѣ вчерашнія происшествія. Трюхина, Бригадиръ и сержантъ Курилкинъ смупно предспавились его воображенію. Онъ молча ожидалъ, чшобъ работница начала съ нимъ разговоръ, и объявила о послѣдствіяхъ ночныхъ приключеній.

« Какъ ты заспался, бапюшка, Адрианъ Прохоровичъ, » сказала Акси-
нья, подавая ему халапъ. « Къ тебѣ
заходилъ сосѣдъ поршней, и здѣшній
будочникъ забѣгалъ съ объявленіемъ,
что сегодня Часпный имениникъ,
да ты изволилъ почивашь, и мы не
хотѣли тебя разбудить. »

— « А приходили ко мнѣ опъ по-
койницы Трюхиной ? »

« Покойницы ? Да развѣ она умерла ?

— « Эка дура ! Да не ты ли посо-
бляла мнѣ вчера улаживашь ея похо-
роны ? »

« Что ты, бапюшка, не съ ума
ли спяшилъ, али хмѣль вчерашній
еще у ты не прошелъ ? Какіи были
вчера похороны ? Ты цѣлый день пи-
ровалъ у Нѣмца, воропился пьянъ,
завалился въ постелю, да и спать до
сего часа, какъ ужъ къ обѣднѣ оп-
благовѣшили. »

— « Ой ли ! » сказалъ обрадованный гробовщикъ.

« Вѣспимо шакъ, » отвѣчала рабонница.

— « Ну, коли шакъ, давай скорѣ чаю, да позови дочерей. »

